

УДК 398.22(=512.145)(477.75)
DOI 10.25587/q2994-0520-2929-h

Ф. А. Сеферова

Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

СИСТЕМА ОБРАЗОВ ПТИЦ В КРЫМСКОТАТАРСКИХ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

Аннотация. В крымскотатарском фольклоре, как и в фольклоре других тюркоязычных народов, зафиксированы древние сюжеты о птицах (лебедь, сокол, орел, филин и др.), которые со временем видоизменялись, трансформировались соответственно новым историческим условиям и особенностям устной поэтической традиции этих народов. Предмет статьи составляют эпические сказания, содержащие систему образов птиц, имеющих сакральное значение для народа. Актуальность темы обусловлена недостаточностью изучения этой проблемы, а также необходимостью дальнейшего исследования особенностей выражения системы образов птиц в крымскотатарском сказочном эпосе. Целью данного исследования является изучение системы образов птиц в идейно-художественной структуре эпических сказаний. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: ознакомиться с научно-теоретическими источниками по устному народному творчеству; проанализировать тексты эпических сказаний; сделать выводы о полученных результатах и определить перспективы дальнейших исследований. Учитывая важность проблемы понимания символики птиц в эпических сказаниях, в данной статье осуществляется попытка её описания и анализа с помощью сравнительно-исторического, культурно-исторического, интерпретационно-текстового методов анализа. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что в эпических сказаниях система образов птиц используется для выражения представлений народа о мифическом времени и тотемистических предках. Об этом же говорят сохранившиеся до наших дней реликты культа птиц у крымских татар. Исключительно интересны мотивы приручения воробья, жаворонка, соловья и др., выступающих в роли связных, и эпизоды выслеживания врагами лебедя с целью узнать место нахождения возлюбленного или же потерянного героя. Исследование системы образов птиц в сказочном эпосе представляют интерес не только как продукт художественного вымысла народа, но и как объект историко-генетического исследования, которое должно способствовать развитию фольклористической науки по этническому и региональному принципу.

Ключевые слова: образ, архаика, символика, сакральное значение, сюжетные линии, реликты, культ птиц, генезис, сказочный эпос, тотем.

F. A. Seferova

Bird image system in the Crimean Tatar epic tales

Abstract. In the Crimean Tatar folklore, as in the folklore of other Turkic-speaking peoples, ancient stories about birds (swan, falcon, eagle, eagle owl, etc.) are attested, which have changed over time, transformed according to the new historical conditions and the peculiarities of the oral poetic tradition of these peoples. The subject of the article is epic legends containing a system of images of birds that are sacred to the people. The relevance of the topic is due to the lack of study of this problem, as well as the need for further study of the features of the expression of the system of images of birds in the Crimean Tatar fairy tale epic. The purpose of this study is to study the system of images of birds in the ideological and artistic structure of epic legends. To achieve this goal, it is necessary to solve a number of tasks: to get acquainted with scientific and theoretical sources on oral folk art; analyze the texts of epic legends; draw conclusions about the results obtained and determine the prospects for further research. Considering the importance of the problem of understanding the symbolism of birds in

СЕФЕРОВА Фера Асановна – к. филол. н., доц. каф. крымскотатарской литературы и журналистики, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, Симферополь, Россия.

E-mail: fera-sef@ukr.net

SEFEROVA Fera Asanovna – Candidate of Philological Sciences, Asst. Prof. of the Department of Crimean Tatar literature and journalism, Crimean engineering and pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia.

E-mail: fera-sef@ukr.net

epic legends, this article attempts to describe and analyze it using comparative-historical, cultural-historical, interpretation-textual methods of analysis. The conducted research allows us to conclude that in epic legends the system of images of birds is used to express the ideas of the people about the mythical time and totemistic ancestors. The relics of the cult of birds among the Crimean Tatars that have survived to this day speak of this. The motifs for the domestication of a sparrow, a lark, a nightingale, etc., acting as messengers, and episodes of the enemies tracking down a swan in order to find out the location of a beloved or a lost hero are extremely interesting. The study of the system of images of birds in the fairytale epic is of interest not only as a product of the artistic invention of the people, but also as an object of historical and genetic research, which should contribute to the development of folkloristic studies on an ethnic and regional basis.

Keywords: image, archaic, symbolism, sacred meaning, story lines, relics, bird cult, genesis, fairy epic, totem.

Введение

Фольклор, важное место в составе которого занимает сказочный эпос, является одним из основных источников при определении национального менталитета. В нём отражается ценностная картина мира народа, его отношение к действительности. Методологический принцип этноцентризма, каким оперирует современная когнитивная ономастология, как правило, используется в исследованиях, в каких, по словам О. О. Селивановой, «язык рассматривается как символическая система, что фиксирует явления характера и ментальности определённого этноса, его мировоззрение, систему этических и эстетических ценностей, норм поведения, традиции, обычаи, обряды, мифы, верования, представлений» [1, с. 151]. Представляет интерес и работа известного учёного Ю. Д. Апресян, который, характеризуя этноцентризм, подчёркивает: «Каждый природный язык отражает определённый способ принятия и организации (концептуализации) действительности. Присущий языку способ концептуализации действительности (взгляды на мир) является частично универсальным, частично национально специфичным, носители разных языков могут воспринимать мир иначе, что обусловлено особенностями каждого из языков» [2, с. 38–39]. Данное рассуждение Ю. Д. Апресян имеет для нас принципиальное значение, поскольку, на наш взгляд, именно в поэтике фольклорного текста национальная специфика концептуализации действительности находит блестящее выражение.

Мифологический контекст эпических сказаний тюркоязычных народов

В фольклоре тюркоязычных народов есть такая группа эпических сказаний, в которых отразились представления о сверхъестественности птиц, их чудодейственных способностях. Им приписывается способность предвидеть будущее, в сложных ситуациях говорить на разумном языке; они наделяются магическим умением и большой силой. Наделение птиц особой поэтикой объясняется тем, что птицы играли большую роль в духовной и материальной жизни народов.

Попытка осмыслить сложный мифологический философский контекст сказочного эпоса, особенности поэтики предстаёт во многих исследованиях. Так, исследователь М. Х. Бакиров в книге «Татарский фольклор», опираясь на общепринятую методику, тюрко-булгаро-татарские мифы объединяет в следующие категории и разновидности: этиологические, космогонические, солярные и астральные, антропогонические и этногонические. «Этиологические мифы из жизни флоры и фауны представляют собой мифолого-фантастические рассказы, связанные с миром животных, птиц, растений. Согласно этим рассказам, горох появился из слезинок быка, ячмень – из живой воды; душа умершего человека якобы превращается в бабочку... – отмечает М. Х. Бакиров. – Кроме прочего, это и мифы о том, что в одну из ночей расцветает папоротник, цветок которого позволяет стать человеком-невидимкой, или же якобы на том месте, где режут скотину, появляется птица счастья куйгырыш; также это легенды и верования о птице счастья Хумай или о Сак-Соке...» [3, с. 31]. Не можем обойти вниманием и работу Л. Х. Мухаметзяновой «Татарский эпос: книжные дастаны», т. к. в ней прослеживаются образы мифических птиц Симург (Семург) [4, с. 172–174], Лякляка (аиста) [4, с. 285], а также образ Ворона [4, с. 279]. Представляет интерес статья Ф. Ю. Юсупова «Сказочный эпос сибирских татар: йомаки о животных». В ней отмечена такая характерная особенность сказочного эпоса сибирских татар как общность сюжетной линии с участием птицы Семург со сказками других народов, переживших влияние персидской литературы [5, с. 111]. Подтверждением того факта нам представляется

мнение И. В. Стеблевой, что подобная сюжетная линия повторяется и в турецких, азербайджанских, туркменских сказках [6, с. 111]. «Укреплению этих взглядов способствовали также и легенды о пророке Сулеймане из исламской религиозной мифологии, как единственном существе, который понимал язык животных и птиц и общался с ними, – отмечает Ф. Ю. Юсупов» [5, с. 108]. Свой взгляд на архетипический образ птицы в системе мифологических представлений татар в общетюркском контексте высказывает и исследователь Л. Х. Давлетшина. Её размышления основываются на мифологизме в татарской прозе конца XX – начала XXI вв. [7, с. 98–150]. Новое прочтение, истолкование сказочного эпоса сквозь призму мировой мифологии представляют работы крымскотатарских исследователей Н. К. Эмирусейн, Э. А. Сеферова, А. Кокиевой. Наблюдения показывают, что историко-этнографические детали и ритуалы, связанные с мифологическими представлениями народа, своеобразное построение образов и описание событий, и, наконец, словарь песен-обращений, припевов, обрамляюще-инициальных формул эпических сказаний дают нам основание полагать, что мифологическая модель мира, скрытая в материале текстов, в которых образы птиц занимают важное место, архаична.

Символика *акъкъу* – лебедя

В мировоззрении крымскотатарского народа водоплавающие, хищные, домашние птицы несут особую мифологическую семантику. Так, исследователи К. Джаманаклы [8], Дж. Бекиров [9], Э. А. Сеферов [10] в своих трудах отмечают, что в глубокой древности лебедь был тотемом не только крымскотатарского, но и некоторых тюркских народов. В этом же ключе можно отметить и исследования Е. М. Мелетинского, утверждающего, что лебедь был тотемом некоторых родов в составе якутов, телеутов, челканцев, кумандинцев, качинцев, тувинцев [11, с. 249].

Сохранились сведения, свидетельствующие о роли лебедя в духовной жизни тюркоязычных народов: причинять зло, разорять гнездо, беспокоить, проклинать и тем более убивать лебедя запрещается по сей день. Следы осуждения хана Тахтамыш за непочтительное отношение к *акъкъу* (лебедю) сохранились в дастане «Эдиге бий». Хан Тахтамыш, убегая от преследований Нураддина, прячется в камышах. Лебеди, встревоженные Тахтамышем, взлетают вверх и выдают его. Хан Тахтамыш, совершая большой грех, проклинает лебедей: *Акъкъу къушлар, къаз къушлар, Сизни сунгъур, боз къушлар Эдигенинъ улы Нураддин – Алла бермесин мурадын Мени юрттан айыргъач Сизни де гольден айырсын! Къанатынъыз тоздырып Башынъызны къайырсын!* [12, с. 47] ‘Лебеди-птицы, серые птицы, Сын Эдиге Нураддин – Пусть Аллах покарает его и не исполнит его желаний, Как он меня разлучил от Родины, Так пусть и вас разлучит от озера, Сломает вам крылья, Свернёт головы!’¹.

Как свидетельствуют наши исследования над сюжетным и поэтическим строем вариантов дастана «Эдиге» и «Эдиге бий», наблюдается картина изменчивости текста эпоса. Вероятно, у каждого сказителя были свои особенности в манере сказа, способах использования традиционного текста и поэтики, однако всегда оставались неизменными – это сюжетная линия сказания и традиционная поэтика. Так, от текстов эпоса до наших дней дошёл без существенных изменений миф, примыкающий к рассказу о сотворении мира водоплавающей птицей – богиней-лебедью, матерью мира Умай. Глубокое теоретическое осмысление мифологического контекста эпоса, особенности его поэтики предстаёт в работах В. И. Абаева. В них отмечена такая характерная особенность древних представлений, как почитание тюркоязычными народами птицы-прародительницы, возможно, связанное с важной ролью этого мифологического персонажа в древнейших пластах мировоззрения. Кроме того, автор пишет: «...древнейшее существо – богиня-лебедь, мать мира Умай, доставшая из вод мирового океана землю, которая росла и превратилась в мировую гору. Лебедь наделена женской символикой, олицетворяющей красоту, верность, чистоту, непорочность» [13, с. 86].

Сакральное значение орла, филина, сокола

Мотив птиц, имеющих сакральное значение, особенно характерен для дастанов «Арзу и Гамбар» («Арзы ве Гамбер»), «Керем и Аслыхан» («Керем ве Аслыхан»), «Эдиге», «Эдиге бий» (вариант), «Наркамыш». Сохранилось много преданий о почитании орла, сокола, филина тюркскими народами. Согласно древним воззрениям крымских татар, на «мировой горе» растёт

¹ Здесь и далее перевод автора.

мировое дерево. На его ветках сидит орлица (*анача тогъан*). Согласно мифу, функция орлицы состоит из охоты и наблюдения за окружающим миром. Так, в упомянутом выше эпическом сказании «Эдиге бий» основные события, происшествия и наказания виновных происходят под деревом, растущим на берегу Шекерли голь (Сахарное озеро), на котором орлица высиживает двух птенцов. Под деревом собираются ханы на охоту, там же происходит сговор завистливого Темирхана с Куртлукая о похищении яйца из гнезда орлицы. Под деревом происходит зло, и там же Куртлукая получает суровый приговор за воровство – изгнание на Карадаг (Чёрная гора): *Токътамыш ханнынъ энъ севгени бир анача тогъан экен. Анача тогъан эр йылы эки йымырта къозлар ве ондан чыкъкъан яш тогъанлар йыртыны пек уста урар экенлер.... Къутлукъая Темирханнынъ къушчысына анача тогъаннынъ бир йымыртасыны берип джибере, ювагъа быдакъ байкъушнынъ йымыртасыны къоя* [14, с. 24–25] ‘У Тахтамыш хана была любимая птица – ловчая орлица. Орлица свила гнездо на высоком дереве и каждый год высиживала двух птенцов. Куртлукая похитил яйцо орлицы, подложив в гнездо яйцо филина’. В крымскотатарском фольклоре орёл (*къартал*), орлица (*анача тогъан*) представлены как заступники, покровители человека. В памяти народа сохранились отголоски древних преданий о том, как в древние времена орёл своими когтями поднял с земли и унёс быка. Этот бык жил в те времена, когда не было на земле людей, скота, деревьев. Никто не знал, откуда он появился: ведь бык был первым животным на земле. По утверждению исследователей, основные виды модели мироздания связаны с космическими телами. Вертикальное устройство Земли и деление на высший, средний и нижний уровни согласуется с образом мирового дерева. Высшая часть – верхняя часть дерева, небо (Солнце, Луна, звёзды), горные хребты, устья рек, *птицы*. Срединная часть – ствол дерева, долины, люди, теплокровные животные. Подземная часть – это корни деревьев, пещеры, горные ущелья, вода, насекомые, животные, живущие в норах [15, с. 110]. Обратимся к материалу сказки «Ветошник» («Джырыкъ»). Хотя фабула сказочного эпоса об орле, солнце, долине и пещере насыщена архаическими представлениями и фантастикой, центральный герой его не столь романтичен, он таится под личиной простака, ветошника, сироты. На нём рваный тулуп и потёртая шапка, и сам он невзрачен на вид, но под невзрачной внешностью таятся в нём и раскрываются в час подвига и ловкость, и смекалка, и упорство в достижении цели. Джырыку, попавшему в беду, помогает орёл, достаёт его из пещеры: *Бир кунъ уйле вакътында балабан бир къартал къушу учып келе, къобанынъ агъызына къона. О, къобанынъ агъызына къонгъаны киби, Джырыкъ онынъ аякъларына япыша, къартал-къуш бирден абдырап учып къача. Бираз вакъыттан сонъ къартал-къуш тала, оны котерамай, догъру тюз бир ерге барып къона* [6, с. 334] ‘Однажды в обеденное время один орёл прилетел и опустился возле отверстия пещеры. Джырык тут же уцепился за него. Вспугнутый орёл поднялся к солнцу вместе с Джырыком, а когда его силы были на исходе, медленно опустился на долину’. В мировоззрении крымских татар птицы, в данном случае орёл, считается средством контакта с верхней, средней и подземной частями мира.

Представляют интерес и древние сюжеты с участием филина (*байкъуш*). По одному из мифов филин поучал самого пророка Ноха (библейский Ной), его признавали мудрейшим из птиц. Следы почтительного отношения к соколу сохранились в эпических сказаниях. Сокол – единственный из птиц, которому повезло с названиями на крымскотатарском языке – *лячин, шаин, сапсан*. Сокол является олицетворением гордой красоты, мудрости и смелости: *Тюш, гузелим, сен мында, Сени къызым япарым. Юксек сарай ичинде Лячин киби бакъарым* [12, с. 102] ‘Спустиись ко мне красавица, Будь моей дочерью. Жить ты будешь в высоком дворце, как соколица в прекрасном саду’.

Функции древних мифологических образов и ритуалов в развитии сюжета с использованием птиц

Исходя из известной литературы отметим, что в крымскотатарских эпических сказаниях популярны сюжеты с участием таких птиц, как ласточка (*къарылгъач*), соловей (*бульбуль*), ястреб-перепелятник (*къыргъый*), серый воробей (*бозторгъай*), ворон (*кузгъун*). Обратимся к материалу дастана «Керем и Аслыхан»: *Падиша огълунынъ авджы къыргъыйы бир къуш артындан къувып, буюк бир багъча ичине кирип кете* [14, с. 296] ‘Ястреб-охотник сына падишаха, охотясь за птицей, залетел в большой сад’. Появление ястреба, воплощающего злые силы и покрови-

тельствующего раздору, глубоко символично. Под её крыльями происходит диалог двух людей, которые не могут найти общий язык: *Къыз*: *Бабам мени къафесте туткъандай тута, ич бир ерге чыкъармай. Ялварам санъа, эгер мени севсенъ, кель манъа керем эйле (мени аджы)...* *Огълан*: *Яхшы, мен сенден ич айырылмакъ истемесем де. Шимдилик озъ башынъа быракъайым. Амма сен де менден не ичюн къачкъанынъны айт. Бельки, энди мени севмейсинъдир?* [14, с. 296] *‘Девушка*: Отец держит меня словно птицу в клетке, никуда не пускает. Прошу, если ты меня любишь, пожалей меня. *Джигит*: Хорошо, даже если я не хочу разлучаться с тобой, я тебя оставляю. Но почему ты меня избегаешь?’. Напомним, что в контексте древнетюркских традиционных представлений ястреб – это образ надвигающейся тревоги, разлуки, мрачного предчувствия. Сама эта сцена происходит под сенью крыльев хищной птицы. Образ этой птицы можно понимать как воплощение неких враждебных сил. Возможно, народ вкладывал и такой смысл в этот образ, но дастан читается несколько сложнее. Обратим внимание на то, когда появляется образ ястреба. Появляется он после решения *кешиша-напаза* запретить дочери встречаться с сыном падишаха: *Меним диним христиан дини, огълан исе мусульман дининде. Къызымны гъайры динлиге бермек, динимизге, шерияткъа уймай – гунадыр* [14, с. 295] *‘Я – христианин, а сын падишаха – мусульманин. Отдать дочь за иноверца – значит совершить грех’.*

В сказочном эпосе о птицах много оригинальных сюжетов, стилистических особенностей, нетипичных фабул и характеров. Одну из основ генезиса широко распространённого в эпических сказаниях крымскотатарского народа образа и мотивов волшебной *«чудесной птицы невиданной красоты»*, спасающей героя от врагов, а затем спускающейся вместе с героем сказки в подземное царство, можно рассмотреть в развитии сюжета «Сказки о Чамаширджи-оглане» («Сказка о юноше-постирале»): «Вдруг, откуда ни возьмись, прилетела большая птица невиданной красоты и села над его головой на ветке. Подкрался к ней Чамаширджи, уличил мгновение и схватил крепко за ноги. Каково же было его удивление, когда чудесная птица не только не уступила его силе, но, раскрыв крылья, поднялась со своим похитителем в воздух... Долго ли, коротко ли летели путники, семь дней и семь ночей пролетели они, а на восьмой день опустились в глухом лесу у ворот мраморного дворца ослепительной красоты. Коснувшись земли, чудесная птица издала оглушительный крик, и в ту минуту ворота дворца открылись, и из них вышла такая красавица, с очарованием которой могла бы поспорить разве лишь луна на четырнадцатый день своего света» [16, с. 98]. Здесь при содействии чудесной птицы центральный герой Чамаширджи-оглан (юноша-постирала) должен был подвергнут процедуре инициации в густом лесу, в мраморном дворце дочери мифологического персонажа, «великого падишаха, властителя подземного Таберистана, повелителя волшебных пери». Характерно, что при удивительном изобилии упоминаемых ритуалов в сказке, представительница высокого сана – дочь падишаха иного мира, восхищённая пением юноши из человеческого рода, желает вступить в брак с ним. По мифологии личность, находящаяся под воздействием иного мира или же нечистой силы, как бы мертва, отчуждена и может быть оживлена только после посвящения её ритуалу. Подтверждением того факта нам представляются мнение исследователя К. Имамова. Так он пишет: «Секретные ритуалы системы древневосточной мифологии свершались как церемониал чествования богов. Эти обряды выполняли, в основном, функции обуздания силы и эмоций юношей и служили целям подчинения их общеплеменным и родовым интересам. Подобные мифологические ритуалы долгое время сохранялись среди тюркских племён» [17, с. 264]. И действительно, благодаря секретным ритуалам и обрядам дочери падишаха подземного Таберистана, Чамаширджи оглан должен был родиться заново и возвратиться в этот бранный мир живым и невредимым. В сказке основная функция традиционного мотива испытания заключается в определении мудрости, силы разума, сообразительности, а не силы, мощи центрального героя. Примечательно, что форма и основная функция мифологического ритуала близка к древнейшим традициям, восходящим к периоду матриархата. Согласно этой традиции, женщина выбирала себе жениха, она же ставила свадебные условия: «Знай, что давно уже внимаю я звукам твоего голоса, когда поёшь ты свои дивные песни, знай, что давно уже пленилась я твоей красотой и силой. Я должна выбрать себе жениха, и сама судьба принесла ко мне тебя, юношу из человеческого рода. По истечению трёх дней стану я твоей, а до тех пор будем ждать,

пока вернётся мой царственный отец» [16, с. 100]. За несдержанность и дерзкие поступки Чамаширджи оглан был выдворен из дворца и унесён той же огромной птицей.

Семург в идейно-художественной структуре эпических сказаний

Не менее популярен в крымскотатарских эпических сказаниях сюжет о схождении в подземный мир или восхождении на небо героя и его вызволения огромной птицей **Семург** в благодарность за спасение им её птенцов от страшного дракона-Адждерха. По пути в средний мир (мир людей) герой кормит птицу мясом быков из сорока бочек и поит вином из сорока бочек, а когда те заканчиваются – своей плотью. Птица Семург догадывается об этом и уже на земле выплёвывает их и залечивает раны героя – Кичик оглана: *Къуш: Эй, огълан, сен меним къартлыгъымда расткельдинъ, яшлыгъымда расткельген олса эдинъ, мен сени шу саат ярыкъ дюнъягъа алып чыкъар эдим. Насыл да олса, мен сени чыкъарырым, лякин 40 метий эт, 40 метий шарап алырсынъ, – дей* [8, с. 71] ‘Эй, джигит, как жаль, что ты встретился мне на старости лет, в молодости я тотчас бы вывел тебя на белый свет. Если ты будешь кормить меня в пути, я выведу тебя, но для этого тебе надо будет взять с собой 40 бочек мяса и 40 бочек вина’. Следует отметить, что в идейно-художественной структуре эпических сказаний Семург изображается как птица, понимающая человеческую речь, и сама говорит человеческим языком. Она может переправить центрального героя, правда, с некоторыми усилиями, через труднодоступные горы и ущелья, через море, перелететь неприступную стену... Птица Семург не покидает героя в беде, уносит от погони. Перо её обладает магической силой: оно излечивает любой недуг. Стоит погладить этим пером больное место страдающего, и он выздоравливает. Особый интерес в этом смысле представляет отличающаяся высокими художественными достоинствами сказка «Бесстрашный младший сын» («Къоркъмагъан кичик огълан»). Младший сын падишаха – юноша поборник добра и справедливости без страха и колебаний вступает в бой с огромной змеей, побеждает змеиное племя, а когда он оказывается на распутье, то птица-мать помогает ему, попавшему в беду, достаёт его из глубокого колодца. В данном случае птица-мать выступает в роли советчицы и наставницы. Сама, рискуя погибнуть, спасает от погони Кичик оглана и возвращает его живым и невредимым к родному очагу: «Птица: Не бойся, мой друг, ты спас моих птенцов, я готова исполнить твоё желание. Чего ты хочешь? Кичик оглан: Что я могу от тебя желать? Ты всего лишь птица... Если так, то вынеси меня на своих крыльях из этого глубокого колодца» [8, с. 72].

Система образов птиц в обрамляюще-инициальных формулах сказочного эпоса

Отражением мифического времени можно объяснить и традиционный зачин к эпическим сказаниям, в содержании которого упоминаются птицы (воробьи, гуси и др.). Сразу отметим, что обрамляюще-инициальные и финальные формулы крымскотатарского сказочного эпоса – *текерлеме, такмак* (зачин) имеют стихотворную форму. Так, некоторые указания в тексте зачинов непосредственно апеллируют к представлениям о мифическом времени и тотемистических предках. В зачинах сообщается, что действие произошло ‘в давние-давние времена, когда герой, будучи ребёнком, лежал в колыбели, а рассказчик находился во дворе, верблюды же были глашатаями, небо было медным, а земля безводной, а **гуси** были величиной с **воробьёв**, у лягушек выросли крылья, и они принялись летать, а рыбы в море стали переезжать’ *Эвель эвель экенде, Эвель заман экенде, Девелер деллял экенде, Сен бешикте экенде, Мен эшикте экенде, Къазлар торгъай экенде, Кокюмиз бакъыр экенде, еримиз такъыр экенде, Сувсыгъыр амамджы экенде, Къаплы-къуплу бакъалар къанатланды учмагъа, Денъиздеки балыкълар кира тутты кочмеге* [8, с. 27]. Иногда традиционные зачины выпадают, и сказка начинается с экспозиции. Средством создания комического эффекта является присутствие в экспозиции образов домашних птиц. Яркий тому пример – индюк, гусь, утка, курица и петух из «Сказки о хаджи тильки и правверных пилигримах»: Однажды петух, курица, индюк, гусь и утка порешили пойти в Мекку на поклонение святым местам. Вот двинулись они в путь, а дорога была неблизкая... [16, с. 215].

Приметы, связанные с образами птиц

В сказках о домашних птицах свойственный им басенный приём даёт возможность в неожиданных, поэтому особенно выразительных, ракурсах изображать человеческие характеры, взаимоотношения. Петух (*хораз*), курица (*тавукъ*) считались «носителями» достатка в семье.

Так, символом зари является пение петуха, которое служило средством измерения времени, когда часы ещё широко не использовали. Петух, господствующий на своём дворе, на своей свалке, является символом хозяина: *Хораз олер, козю чёплюкте кьалыр* 'Даже умирая, петух будет смотреть на мусорную свалку' или же образ петуха может быть символом красоты: *Хоразгъа кьуйрукъ ярашыр, эрге – мыйыкъ* 'Петуху хвост к лицу, а мужчине – усы'. Мораль в них, как в басне, провозглашена открыто: *Тавукъ сув ичер де, Аллагъа бакъар* 'Даже курица, когда пьёт воду, благодарит на Всевышнего'; *Тавукъларнен ят, хоразларнен тур!* 'Ложись с курами, а вставай с петухами!'. По сведениям информаторов, с курицей связывались народные приметы. Так, «крик курицы вечером по-петушину предвещало смерть одного из домочадцев. Чтобы предотвратить её, нужно было перебросить курицу через крышу или зарезать её» [18, с. 18].

По рассказам информаторов, передающим слышанное ими от старшего поколения, запрещается убивать или беспокоить голубей (*зогерджин*), летучих мышей (*миявкьуш*), кукушек (*кококкуш*). Приметы, связанные с этими птицами: «голубь сел на ограду – к урожаю», «услышишь воркование голубя – к хорошей вести», «услышишь кукушку – будешь обманут чёртом (шайтаном)» [19, с. 56] и др. Отметим, что народное сознание формулировало в сказочном эпосе самые значительные мысли, суждения о важных сторонах жизни, придавая им художественную форму. В сказке «Богач и работник» («Байнен ыргъат») находчивый работник смеётся над богачом, умудрившись перехитрить даже кукушку: *Бай адам ыргъаткъа: Коресиньми, ыргъат, кокок кьуш багъыра, энди вакъыт толды, – дей. Ыргъат аман элине балабан бир сырыкъ ала да: Ой, ярамаз, маали-маальсиз кокок багъырырмы? О, шайтан олмалыдыр, – дей* [8, с. 277] 'Богач работнику говорит: Видишь, кукушка кукует, уже пора на работу. Работник тут же взял в руки длинный шест и закричал: Негодница, ты почему не вовремя кукуешь? Ты, наверное, порождение шайтана!'. Переноса законы и обычаи человеческого общества в жизнь птиц, народная проза создаёт богатую сюжетными коллизиями и красками картину реального мира. Часто сюжет этих сказок содержит глубокие социальные выводы. Действуют все птицы, окружающие человека. Каждый персонаж в сказке наделён подобающими ему и метко выбранными чертами.

Отметим, что к вороне у крымских татар сложилось двоякое отношение. Предзнаменованием добра, блага и удачи считалось у крымских татар увидеть ворону с белой отметиной (*ала кьаргъа*). Крик такой птицы предвещал удачу и добро. Однако, как птица, питающаяся падалью, ворона (*кьаргъа*) рассматривалась в качестве нечистой птицы. Ворона – чистоту не любит: *Кьаргъанен дост олгъаннынъ бурну булашыкътан арынмаз* 'У того, кто подружится с вороной, нос всегда будет в грязи', *Бульбульнен кьаргъанынъ кьардашлыгъы, алиминен джаильнинъ ёлдашлыгъы* 'Дружба соловья и вороны – это дружба учёного и невежды' и др.

В отличие от вороны, ворон (*кьузгъун*) считался недоброй птицей, предвестником несчастья, беды. Примечательно, что тот же самый ворон иногда действует как помощник человека: вызволяет центрального героя из утробы мёртвого коня, в своих цепких когтях уносит на гору и оставляет там одного: *Бир къач вакъытлардан сонъ, о адам атнынъ кьурсагъы ичинден, лешининъ чокъучлангъаныны дуя. Делик баягъы ачылгъан сонъ, лешни чокъучлагъан кьузгъунны тутмагъа кьарар берип, онынъ аягъына япыша... Бир вакъыттан сонъ, кьузгъун бу огъланны бир юксек джаппнынъ устуне чыкъара* [8, с. 181] 'Через какое-то время человек почувствовал, как некое существо клюёт и разрывает труп коня на части. Когда ворон разорвал утробу трупа, человек крепко ухватился за него и поднялся с ним в небо. Как только ворон опустил на высокую гору, человек отпустил его'. Так в сказке «Гнев падишаха» («Падишанынъ хышымы») на долю центрального героя выпадает множество испытаний, но ворон, сам рискуя погибнуть, возвращает героя невредимым к родному очагу. Заметим, что представление о вороне как существе недобром, олицетворяющем посредника между живыми и мёртвыми, отразилось во многих жанрах крымскотатарского фольклора. По сведениям информаторов, в древние времена крик ворона возле жилища объясняли как предвещание чьей-то смерти, возле стада – как падежа скота в скором будущем [20].

Встречающиеся в крымскотатарских сказках сюжеты о ласточке (*кьарылгъач*), журавле (*турна*), удоде (*байрым эркек*), соловье (*бульбуль*) основаны на убеждениях, существовавших не

только у крымскотатарского, но и у многих тюркоязычных народов [20]. Эти птицы наделяются человеческими качествами. В эпосе «Керем и Асылхан», упомянутый в содержании старинной песни *бульбуль* (соловей), является символом благородства, щедрости, трудолюбия: *Гуль да-лында бульбуль япар ювалар. Этрафнынъ дюльберлерин йыгъсалар, Булмазлар онынъ мислин не чаре* [14, с. 297] ‘На веточке розы соловей строит своё гнездо. Хотя и соберут всех красавиц округи, Подобным соловью не будет никого’. Кроме всего прочего, соловей в сознании древних играл роль своеобразного кода, его именем обозначались различные понятия: *бульбуль* – «певец», «возлюбленный», «сладкоречивый» и т. д. Так, герой сказки «Юноша, который понимал язык птиц» («Къуш тилинден анълагъан бала») является сыном богатых, но жестоких родителей. Его презирают родители за то, что он некрасив, простоват. Однако юноше служит волшебная птица – соловей, который понимает человеческую речь и сам говорит человеческим языком, подсказывает герою, как ему лучше поступить. Соловей нетороплив, рассудителен и смыслён. И стоит юноше вздохнуть – «ох!» – как тут же появляется верный друг-соловей и выполняет любое задание. Действие в сказке развёртывается по цепочке, с повторами. В ней действуют и такие персонажи как ворон-отец и ворона-мать, которые вот уже три года не могут разрешить спор о том, кому принадлежит воронёнок. Далее следует традиционный сюжет: справедливое разрешение спора юношей, который понимал язык птиц: *Эй, падишам! Бала бабанынъдыр! Йигит сёзюни битирир-битирирмез баба къаргъанен баласы бир тарафкъа, ана къаргъа дигер тарафкъа учып кетелер* [14, с. 5] ‘О, мой падишах! Воронёнок принадлежит отцу. И как только произнёс эти слова юноша, ворон-отец и воронёнок полетели в одну сторону, а ворона-мать в другую’.

Птицы являются постоянными эпитетами в стихотворных вставках, песнях к сказочному эпосу. Образ соловья часто используется для изображения характерных положительных черт девушки. Соловей является олицетворением красоты, нежности, изящества, мастерства. Следующий отрывок из эпоса «Наркъамыш» подтверждает данное отношение к соловью: *Тюш, гузелим, сен мында, Сени къарым япарым. Гуль багъчанынъ ичинде Бульбуль киби бакъарым* [12, с. 102] ‘Спустись ко мне красавица, Будь моей женой. Жить ты будешь как соловей в прекрасном саду’. Речь девушки сравнивается с песней, щебетанием соловья. Свой взгляд на образно-стилистическое воздействие фольклора на восточную поэзию высказал известный исследователь С. Каганович. Его размышления основываются на характере преемственности культурных традиций в восточной поэзии. В статье исследователь приходит к выводу, что «любой традиционный образ также может иметь свой второй, а то и третий план, своё закреплённое за ним аллегорическое, иносказательное прочтение. Классические *роза и соловей* неизменно олицетворяют двух возлюбленных; мотылёк, сгорающий в пламени свечи, – это и влюблённый, погибающий в огне любви, а также – в поэзии суфийской – и человек, взыскующий истины, сгорающий в единении с божеством» [21, с. 228]. Такой подход даёт возможность установить и наглядно продемонстрировать, что образы птиц имеют древнейшие корни как в устной, так в письменной эпической традиции едва ли не всех тюркоязычных народов.

Заключение

В данной статье выявлены сущностные характеристики образов птиц, которые актуализированы в силу того, что данные образы как символическое выражение архаических установок определяют особенности мировоззрения, миропонимания народа, входят в структуру системы его ценностей. В мифопоэтическом сознании предков крымских татар птицы представлены средством контакта с верхней, средней и подземной частями мира. При их содействии центральные герои подвергаются процедуре инициации, а также различного рода ритуалам. В эпических сказаниях отмечена такая характерная особенность древних представлений, как почитание птицы-прародительницы *акъкъу* (лебедя), возможно, связанное с важной ролью этого мифологического персонажа в древнейших пластах мировоззрения. Однако в контексте древних традиционных воззрений ястреб, ворон, ворона представлены как птицы, воплощающие беду, тревогу, разлуку. Из всего вышесказанного следует вывод о том, что, рассматривая систему образов птиц в крымскотатарских эпических сказаниях, мы лишь обозначили отправную точку дальнейших исследований.

Литература

1. Селиванова О. О. Сучасна лінгвістика : напрями та проблеми : підручник. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 711 с. (На украинском яз.)
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 36–41.
3. Бакиров М. Х. Татарский фольклор. – Казань : Ихлас, 2012. – 400 с.
4. Мухаметзянова Л. Х. Татарский эпос : книжные дастаны. – Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2018. – 380 с.
5. Юсупов Ф. Ю. Сказочный эпос сибирских татар // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Казань : Ихлас, 2016. – С. 98–127.
6. Давлетшина Л. Х. Мифологизм в татарской прозе конца XX – начала XXI вв. : дис. ... к. филол. н. – Казань, 2005. – 173 с.
7. Стеблева И. В. Об изучении образной системы классической тюркоязычной поэзии // Фольклор, литература и история Востока : материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Ташкент : ФАН, 1984. – С. 324–327.
8. Къырымтатар халкъ масаллары. 2-нджи, ишленильген нешир / Тертип эткенлер : К. Джаманаклы, А. Усеин. – Симферополь : КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» неширяты, 2008. – 384 с. (На крымскотатарском яз.)
9. Бекиров Дж. Татар фольклоры. – Ташкент : Укитувчи, 1975. – 311 с. (На крымскотатарском яз.)
10. Сеферов Э. А. Отголоски древних верований у крымских татар // Кыасевт. – 1995. – № 1. – С. 40–43.
11. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – Москва : Наука, 1976. – 358 с.
12. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы : Хрестоматия / Тертип этиджи Д. Бекиров. – Ташкент : Укитувчи, 1991. – 248 б. (На крымскотатарском яз.)
13. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – 191 с.
14. Къырымтатар эфсанелери ве дестанлар / У. Эдемова тертип этти. – Акъмесджит : Таврия неширяты, къырымтатар бедий эдебияты болуги, 2004. – 340 с. (На крымскотатарском яз.)
15. Фрезер Дж. Дж. Поклонение деревьям. Глава 9 // Золотая ветвь. – Москва : Политиздат, 1986. – С. 110–120.
16. Сказки и легенды крымских татар. Печатается по изданию «Сказки и легенды татар Крыма, 1936 г.» : фольклорный сборник. – Симферополь : ГАУ РК «Медиацентр им. Гаспринского», 2017. – 400 с.
17. Имамов К. Генезис и функции мотива испытания в сказочном эпосе // Фольклор, литература и история Востока : материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Ташкент : ФАН, 1984. – С. 263–266.
18. Материалы фольклорной практики 19.07.2009 г. Информатор – Ревиде Эреджепова (1918 г. р., с. Корбекуль, Алушта) // Фольклорный фонд кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК «КИПУ». (На крымскотатарском яз.)
19. Материалы фольклорной практики 17.07.2011 г. Информатор – Сеит-Асан Ибраимов (1924 г. р., г. Симферополь) // Фольклорный фонд кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК «КИПУ». (На крымскотатарском яз.)
20. Материалы фольклорной практики 15.07.2011 г. Информатор – Исмет Ипекчиев (1924 г. р., с. Бешэв Симферопольского р-на) // Фольклорный фонд кафедры крымскотатарской литературы и журналистики ГБОУ ВО РК «КИПУ». (На крымскотатарском яз.)
21. Каганович С. О восточном романтизме // Фольклор, литература и история Востока : материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Ташкент : ФАН, 1984. – С. 225–230.

References

1. Selivanova O. O. Modern linguistics : directions and problems: textbook. Poltava, Dovkilliya-K Publ., 2006, 711 p. (In Ukrainian)
2. Апресян Yu. D. Human image according to language. *Voprosy Yazykoznaniya*. 1995, No. 1, pp. 36–41. (In Russ.)
3. Bakirov M. Kh. Tatar folklore. Kazan, Ikhlal Publ., 2012, 400 p. (In Russ.)

4. Mukhametzyanova L. Kh. Tatar epic: book dastans. Kazan, G. Ibragimov ILLA Publ., 2018, 380 p. (In Russ.)
5. Yusupov F. Yu. The fairytale epic of the Siberian Tatars. In: Actual problems of modern folklore. Kazan, Ikhlas Publ., 2016, pp. 98–127. (In Russ.)
6. Stebleva I. V. On the study of the figurative system of classical Turkic poetry. In: Folklore, literature and history of the East: materials of 3rd All-Union Turkological conference. Tashkent, FAN Publ., 1984, pp. 324–327. (In Russ.)
7. Davletshina L. Kh. Mythologism in Tatar prose of the late XX and early XXI centuries. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Kazan, 2005, 173 p. (In Russ.)
8. Crimean Tatar folk tales. 2nd revised ed. Comp. K. Dzhamanaky, A. Usein. Simferopol, Crimean State Publ., 2008, 384 p. (In Crimean Tatar)
9. Bekirov Dzh. Tatar folklore. Tashkent, Ukituvchi Publ., 1975, 311 p. (In Crimean Tatar)
10. Seferov E. A. Echoes ancient beliefs among the Crimean Tatars. *K'asevet*. 1995, No. 1, pp. 40–43. (In Russ.)
11. Meletinsky E. M. The poetics of myth. Moscow, Nauka Publ., 1976, 358 p. (In Russ.)
12. Crimean Tatar folk oral art: Chrestomathy. Comp. D. Bekirov. Tashkent, Ukituvchi Publ., 1991, 248 p. (In Crimean Tatar)
13. Abaev V. I. Ossetian language and folklore. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1949, 191 p. (In Russ.)
14. Crimean Tatar legends and dastans. Comp. by U. Edemova. Akmesdzhit, Tavria Publ, Department of Crimean Tatar literature, 2004, 340 p. (In Crimean Tatar)
15. Freser J. J. Tree Worship. Ch. 9. In: Golden Bough. Moscow, Politizdat Publ., 1986, pp. 110–120. (In Russ.)
16. Fairy Tales and Legends of the Crimean Tatars. Published by the publication “Tales and legends of the Tatars of the Crimea, 1936”: folklore collection. Simferopol, Gasprinsky Media Center, 2017, 400 p. (In Russ.)
17. Imamov K. Genesis and the functions of the test motif in the fairytale epic. In: Folklore, literature and history of the East: materials of the 3rd All-Union Turkological Conference. Tashkent, FAN Publ., 1984, pp. 263–266. (In Russ.)
18. Folklore practice materials, July 19, 2009. Informer – Revide Eredzhepova (1918, Korbekul, Alushta). In: Folklore Fund of the Department of Crimean Tatar Literature and Journalism Crimean Engineering and Pedagogical University. (In Crimean Tatar)
19. Folklore practice materials, July 17, 2011. Informator – Seit-Asan Ibraimov (1924, Simferopol). In: Folklore Fund of the Department of Crimean Tatar Literature and Journalism Crimean Engineering and Pedagogical University. (In Crimean Tatar)
20. Folklore practice materials, July 15, 2011. Informator – Ismet Ipekchiev (1924, Beshev, Simferopol district). In: Folklore Fund of the Department of Crimean Tatar Literature and Journalism Crimean Engineering and Pedagogical University. (In Crimean Tatar)
21. Kaganovich S. About Eastern Romanticism. In: Folklore, literature and history of the East: materials of the 3rd All-Union Turkological Conference. Tashkent, FAN Publ., 1984, pp. 225–230. (In Russ.)